

Массовое общество и демократический тоталитаризм: свобода без выбора

Результатом коллективных усилий западных «прогрессивных» политиков, общественных деятелей и учёных-экономистов в XX веке явилось претворение в жизнь (судя по всему, уже окончательное и необратимое) так называемого «Проекта Модерн» — институализация и «материализация» комплекса либерально-демократических ценностей, установок и императивов, рождённых эпохой Просвещения. Этот результат, ввиду его легко обнаруживаемого несоответствия изначальному замыслу предприятия, вряд ли можно считать в строгом философском и историческом смысле закономерным. Новое общество, защите и развитию которого служили демократические императивы (свободы слова, мысли и поступка, политической независимости субъекта как мыслящего и действующего агента и пр.), поглотило и выхолостило эти идеи, нейтрализовало их революционный смысл, свело на нет критический потенциал идеологии либерализма. Когда-то, на заре капиталистической эры, представления западного человека о сущности и назначении демократии целиком обуславливались концептуализацией его видения экзистенциальной свободы; сегодня уже свобода нуждается в санкции демократии и ею учреждается. Общераспространённым является убеждение в том, что свобода как политическая реальность естественным образом вытекает из демократии (как следствие из предпосылки) и что демократия не имеет ровным счётом ничего общего с тоталитаризмом (какой бы смысл ни вкладывался в это нагруженное негативными коннотациями понятие). Между тем, трансцендирующее узкие рамки ангажированной социологии критическое исследование неолберального общества, его идеологии, политических институтов и практик показывает, насколько ошибочно это расхожее мнение. Трансцендирующий анализ выявляет разрывы и противоречия в логике обоснования буржуазно-демократических практик, обнаруживает наличие в структурной организации постмодернистского общества элементов, антитетичных Модерну, сближающих демократию с тоталитаризмом. Прежде всего это относится к экономической организации капиталистического общества.

Функционирование современной рыночной экономики отмечено всё возрастающей интенсификацией производственного процесса, ориентированного на массовое изготовление и потребление товаров. Современная *waste economy* (хозяйствование в расчёте на потребление и растрату) требует, чтобы все вещи внутри коньюмеристского мира появлялись и исчезали в постоянно ускоряющемся темпе и в прогрессирующем объёме. Иррациональная избыточность производства так же присуща развитому капиталистическому хозяйствованию, как вполне разумная и естественная нехватка — хозяйствованию не-(до-) капиталистическому. Производимые в количествах, превышающих существующую в них потребность, вещи расходуются, поглощаются, уничтожаются почти сразу же по их появлении в мире. Человек, захваченный этим потоком *waste life*, вынужден потреблять — почти автоматически, не придавая значения потребляемому, не заботясь о «субстанциальной» (нерыночной) природе тех или иных выставляемых на потребительском рынке товаров, их действительной полезности, целесообразности и ценности. Какими вещами пользоваться, с какой целью и в течение какого срока времени — решает за потребителя производитель. В условиях развитого капиталистического производства не спрос формирует предложение (как в ситуации нехватки и острой потребности в чём-то), а предложение — спрос.

Гиперизбыточность является отличительной особенностью капиталистического хозяйствования в целом: она характеризует производство не только материальных, но и так называемых «духовных» благ. Современный рынок искусств перенасыщен красками, звуками, символами, самыми разнообразными текстами — массовой (распространяемой преимущественно через СМИ) и эксклюзивной продукцией, способной удовлетворить запросы любого, даже наиболее взыскательного и искушённого потребителя. Произведения литературы и искусства, научные теории, философские и религиозные доктрины приобретают на рынке «товарный вид» и становятся пригодными к употреблению. Этот специфический тип продукции, некогда доступный узкому кругу избранных, ныне потребляется всеми без ограничений и без разбора, в количествах, превышающих всякую разумную меру. Однако возрастание интенсивности потребления и здесь оборачивается минимизацией его социальной полезности и эффективности. Идеи, символы, образы, смыслы, знаки, подобно материальным вещам, появляющимся в жизни человека и по истечении отведённого им краткого срока бесследно исчезающим из неё, бездумно-механически потребляются и расходуются индивидами, не оставляя в их сознании никаких следов, никак не отражаясь (за редким исключением) на образе мыслей и поведении людей. Развращённый обилием информации и текстов для чтения («художественной» и «интеллектуальной» продукции, используемой главным образом в целях развлечения), потребитель впадает в своего рода «ментально-психонимическую апатию» — состояние, характеризующееся эмоциональной опустошённостью и безразличием к происходящему вокруг, утратой остроты восприятия и способности удивляться чему бы то ни было. «Интеллектуальная и эмоциональная анемия» (Д. Рисмен) является закономерным результатом ускорения процесса производства и расширенного потребления нематериальных благ. Эволюция социального характера буржуазного *homo civilis*, выражающаяся в инверсии таких специфически модернистских

качеств субъекта, как любознательность, целеустремлённость и здоровый скептицизм, в постмодернистскую всеядность, рассеянность внимания и равнодушие, отражает, по всей видимости, тенденцию общей дегенерации культуры и планомерной трансформации «современного» (либерально-демократического) общества в общество «постсовременное» (тоталитарно-демократическое). Постмодернистская революция снимает дисциплинарные ограничения и табу, действовавшие в модернистском обществе, и распространяет законы капиталистического производства на всю область человеческой жизнедеятельности. Отныне всё (даже смерть, страх и боль, даже то, что прежде считалось девиантным, противоестественным и несущим в себе угрозу безопасности человека) становится товаром для потребителя, объектом спекулятивной манипуляции и растраты, распределения и поглощения, массового тиражирования и купли-продажи. В постмодернистской культуре стираются традиционные различия между высоким и низким, серьёзным и несерьёзным, авангардистским и ретроградным, размываются критерии «стиля» и «качества». Модернистские антагонистические противоречия и дистинкции, структурировавшие мышление и поведение человека индустриальной эпохи, утрачивают эпистемологическую определённую и категоричность, растворяясь в новом метаполитическом дискурсе легитимации — дискурсе, легитимирующем всё подряд. «В нашей эклектической культуре, которая соответствует разложению и скученности других культур, ничто не является неприемлемым»; «новая экспрессия, новая абстракция, новые формы — всё это великолепно сосуществует во всеобщей индифферентности»; «мы исповедуем все убеждения без исключения» и «ничто не вызывает у нас подлинного отвращения»¹. В новом плюралистическом «универсуме мышления и поступка» (Г. Маркузе) всё становится знакомым и желанным, «всё имеет право гражданства и общественного признания»². «Художник, критик и публика находят удовольствие в чём угодно, и наступает час расслабления»³: «люди начинают понимать, ... что отныне можно жить, не имея перед собой ни цели, ни смысла», что «все вкусы, все виды поведения могут сосуществовать, не исключая друг друга», и «при желании выбрать можно всё — как самое обыкновенное, так и самое экзотическое; как новое, так и старое; как простую экологически чистую жизнь, так и жизнь сверхзамысловатую»⁴. Десублимированные «культурные ценности» и идеи, в том числе наиболее девиантные и экстремистские, «ассимилируются действительностью», «материализуются», «приводятся к общему знаменателю — товарной форме»⁵. «Поглощающая сила общества обескровливает художественное измерение, усваивая его антагонистическое содержание. Именно в виде гармонизирующего плюрализма, позволяющего мирное и безразличное сосуществование наиболее противоречащих друг другу произведений и истин, в сфере культуры входит новый тоталитаризм»⁶.

¹ Ж. Бодрийяр. Прозрачность Зла. М., 2000, с. 109, 24, 35, 109.

² Ж. Липовецки. Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма. СПб., 2001, с. 25.

³ Ж.-Ф. Лиотар. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // На путях постмодернизма. М., 1995, с. 175.

⁴ Ж. Липовецки. Эра пустоты, с. 63, 67.

⁵ Г. Маркузе. Одномерный человек. М., 1994, с. 74.

⁶ Там же, с. 79.

Постмодернистское тоталитарно-демократическое общество, пришедшее на смену либерально-демократическому, — это общество символического и экономического изобилия, массового производства и потребления «благ», мультикультуралистского разнообразия форм, красок и стилей, общество социальной гармонии, умиротворения и благоденствия, обеспечиваемых доступностью многочисленных свобод и удобств. Антагонистические интересы и противоборствующие движения внутри тоталитарно-демократического общества усилиями его властных инстанций и центров манипуляции (СМИ) уравниваются и нивелируются; проблема радикального выбора («за» или «против»? революция или квиетизм?) снимается с повестки дня. Благодаря способности интегрировать всякую оппозицию и поглощать любые альтернативы, современная — импловивная — демократия успешно борется с внутренними и внешними «врагами», предупреждая качественные социальные перемены, вследствие которых могли бы утвердиться существенно новые институты и практики, новые формы человеческой жизнедеятельности. Демократия эпохи Постмодерн не стремится к разрешению действительных социальных противоречий (или хотя бы смягчению их), но она по-своему их маскирует, замещая ложными символами и означающими; таким специфическим образом, посредством искажающей репрезентации, противоречия легитимируются и увековечиваются, а «идеи, побуждения и цели, трансцендирующие по своему содержанию утвердившийся универсум дискурса и поступка, либо отторгаются, либо приводятся в соответствие с терминами этого универсума, переопределяемые рациональностью данной системы и её количественной мерой»⁷.

Самокритика является способом существования современного демократического общества, его *modus operandi*. Тоталитарная демократия — самая критикуемая изнутри и благодаря этому самая жизнеспособная форма социальной организации. Постмодернистское общество приемлет критику и нуждается в ней как в средстве этико-психологической стимуляции и идеологического развлечения. «Истина этого общества — не что иное, как отрицание этого общества» (Г. Дебор)⁸ — его самоотрицание. Система не отвечает на раздражающее воздействие противодействием, она ему «поддаётся», как бы смягчая удар (либо упреждая его), и эта специфическая реакция, которая никогда не бывает чётко выраженной и определённой, оказывается лучшей формой защиты. И поскольку деятельность даже наиболее радикально настроенных и непримиримых критиков в тоталитарно-демократическом обществе не ведёт ни к каким революционным последствиям и не представляет для этого общества никакой угрозы (а скорее наоборот), критиков в таком обществе не преследуют (как происходит в недемократических авторитарных обществах), а всячески опекают и поощряют. Власть заинтересована в том, чтобы критика звучала как можно чаще, чтобы она с каждым разом становилась всё более тривиальной, будничной и узнаваемой, — и чтобы в конце концов люди, привыкая к ней, переставали её замечать. Пресыщение информации

⁷ Там же, с. 16.

⁸ Г. Дебор. Общество спектакля. М., 2000, с. 106.

ей, социальный инфантилизм и безразличие – вот совокупный результат деятельности современных Зоило-Терситов. Революционная критика (волею ли исторического случая, «хитростью» ли буржуазного политического «разума») инверсируется в своего рода антикритику: эффект, которого она достигает, противоположен её действительному назначению. Скандалы, виртуальные информационные «войны», сенсационно-разоблачительные кампании в прессе, бесконечные политические склоки, конфликты и перепалки, инспирируемые СМИ, – всё то, без чего уже не может жить современный homo civilis, развращённый так называемой «свободой слова» и правом беспрепятственного доступа к источникам информации, действует опьяняюще (хотя должно было бы отрезвлять) на психику коллективного потребителя, будоражит и одновременно гипнотизирует общественное сознание. «Либеральная культура, – пишет М. Уолцер, – впитала в себя критику, сделав её чем-то интересным, даже приятно возбуждающим; она стала... формой развлечения. Сократ превращается в героя телевизионных ток-шоу; более респектабельный и дистанцированный от толпы Платон занимает кафедру престижного университета. Разгневанный критик-одиночка бьётся головой о резиновую стену. В качестве реакции на свою критику он встречает невероятную терпимость, тогда как предпочёл бы сопротивление»⁹.

Терпимость и безразличие, с которыми буржуазное общество парирует выпады «критика-одиночки», обескураживающая невозмутимость, с которой власть игнорирует направленную против неё критику либо (делая вид, что игнорирует) оборачивает её в свою же пользу (ведь право последнего слова всегда остаётся за тем, кому предъявляется обвинение), свидетельствуют о совершенной неуязвимости и, говоря языком К. Поппера, принципиальной «нефальсифицируемости» этого общества. Тенденция к «воспроизводству власти» любого рода определённое и последовательное всего обнаруживается на современном этапе именно в обществах, где, по замечанию А. Турена, институализация социальных конфликтов и противоречий максимально развита, «где наиболее широко распространено политическое, социальное и идеологическое признание этих конфликтов»¹⁰. Постмодернистское демократическое общество является именно таким. Это общество репрессивной терпимости, агрессивного и бескомпромиссного гуманизма, массово-принудительной либерализации – общество тоталитарной демократии. Свобода слова, мысли и действия в тоталитарно-демократическом социуме не просто гарантируется, а навязывается человеку, – даже если он не ищет этой бесполезной свободы и не просит, чтобы его награждали ею. Даже когда «индивидуализированный субъект» явным образом противопоставляет себя всему обществу, обнаруживая намерение – радикальное и безоговорочное – разорвать «кровные узы», связывающие его с fellow-citizens, когда субъект перестаёт отождествлять себя с сообществом, которому он формально (но уже не по существу) принадлежит, – он тем не менее остаётся частью этого общества. Субъект заявляет протест и, разумеется, «предпочёл бы сопротивление». Но его терпят, выслушивают – и награждают аплодисментами. В такой извращённой

⁹ М. Уолцер. Компания критиков. М., 1999, с. 38–39.

¹⁰ А. Турен. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998, с. 204.

и причудливой форме древняя заповедь «Возлюби своего врага» воплотилась в нашем повседневном бытии *In-der-Welt*, оказалась востребованной в столь абсурдной и примитивной, но с политической точки зрения единственно возможной интерпретации.

Субъект действия, наш социальный агент, мыслит и действует — то есть играет — по заранее заданным правилам, даже когда нарушает правила: секрет в том, что правила игры допускают возможность нарушения. В данном случае исключение подтверждает правило, т. к. с неизбежностью вытекает из него: само правило вызывает к жизни, обосновывает, легитимирует исключение. Последнее существует наравне с правилом, как бы компенсируя и смягчая его эффект. «Случайные» аномалии — отступления от установленных правил игры — вносят в жизнь тоталитарно-демократического общества оживляющую иллюзию разнообразия. Поэтому власть, как уже было сказано, и заинтересована в том, чтобы её критиковали, разоблачали, «дискредитировали»: всё это только упрочивает её положение. Детабурированная критика, по мере дальнейшей отмены (или смягчения) социальных запретов и ограничений, становится всё менее и менее действенной, всё более и более развлекательной и безобидной. «... С блаженным принятием существующего, — пишет Дебор, — может сливаться воедино чисто показной бунт (инверсированная антикритика; исключение, легитимированное правилом; аномалия, вносящая разнообразие в наше *In-der-Welt-sein* — *И. Д.*) — и этим выражается не что иное, как то, что сама неудовлетворённость стала неким товаром, как только экономическое изобилие оказалось способным распространить производство на обработку такого первичного материала»¹¹. Новая форма демократической тирании, демократической борьбы с инакомыслием через отмену ранее существовавших запретов (вместо введения новых) и рассеивание разрушительной либертарной энергии (в результате чего само инакомыслие превращается в «господствующую идеологию» и становится образом мышления большинства), новая манипулятивная стратегия «изгнания желания посредством его преувеличенных демонстраций» и «симуляций» (Бодрийяр) оказалась, действительно, «более эффективной, чем стратегия доброго старого подавления путём запрета»¹². Перед лицом совершившейся перемены традиционная социальная критика обнаружила свою полную несостоятельность и беспомощность; как инструмент революционного преобразования общественного сознания и бытия она, по сути дела, перестала существовать. Социальная критика сделалась составной частью буржуазной индустрии развлечений, буржуазных политико-идеологических институтов и СМИ. «... Больше никто не может быть врагом существующего, как и нарушить касающийся всех закон молчания. Уже покончили с беспокоящим представлением, господствовавшим более двух сотен лет, согласно которому общество может быть критикуемым и трансформируемым, реформируемым или революционизируемым. И это было достигнуто не из-за появления новых аргументов, но просто благодаря тому, что все аргументы стали бесполезными. И этим результатом будет изме-

¹¹ Г. Дебор. Общество спектакля, с. 41.

¹² Ж. Бодрийяр. Прозрачность Зла, с. 36.

ряться не столько всеобщее благоденствие, сколько ужасная сила сетей тирании»¹³. «Прошла эпоха революций, скандалов, надежд на будущее... Постмодернистское общество — это общество, где царствует всеобщее равнодушие,... где новое воспринимается как старое, а новшество — как нечто банальное... Налицо разочарование и монотонность новизны, усталость общества, сумевшего апатией нейтрализовать то, что его создаёт — перемены»¹⁴. «Нет больше ни политического, ни художественного авангарда, который был бы способен предвосхищать и критиковать во имя желания, во имя перемен, во имя освобождения форм. Это революционное движение завершено. Прославленное движение современности привело не к трансмутации всех ценностей, как мы мечтали, но к рассеиванию и запутанности ценностей. Результатом всего этого стала полная неопределённость и невозможность вновь овладеть принципами эстетического, сексуального и политического определения вещей»¹⁵.

«Гипердемократия»¹⁶ новейшего тоталитарного образца решительно утверждает себя в правах, покоряя западный мир. Достижения индустриальной цивилизации, внешние экономические и технологические успехи неолиберальной капиталистической системы впечатляющи и неоспоримы. «Объективная действительность» такова, что не оставляет буржуазному *homo civilis* ни малейшего шанса на критическое осмысление происходящего, не говоря уже о революционном действии («критиков-одиночек» Уолцера в расчёт можно не брать). Послушное некритическое приятие существующего порядка вещей на уровне массового сознания выражается во всеобщем безразличии (т. е. неспособности — или нежелании — провести различия, отделить лучшее от худшего, старое от нового), психологической усталости и отупляющей апатии, поразившей абсолютное большинство жителей современных городов. Внешне «динамично развиваясь», обеспечивая рост благосостояния масс и совершенствование условий их повседневного бытия, осуществляя экспансию ценностей и идеологических установок, общество тоталитарной демократии в действительности остаётся неизменным, статичным, стагнирующим. Ведь изменения никогда не затрагивают структурных основ системы, её экономического и идеологического базиса. Наоборот, все преобразовательские проекты нацелены на сохранение этой системы в том виде, в каком она пребывает, в статическом равновесии и устойчивости. Изменения, если они вообще происходят, не несут в себе ничего нового, неожиданного. На этой стадии социальной инволюции инцест — политический, идеологический, культурный — становится правилом жизни. В результате общество вместо движения вперёд и развития обрекается на вечное возвращение того же самого, на бесконечное и бессмысленное воспроизводство ранее произведённых продуктов, на замещение качественных характеристик количественными. Эта циклическая повторяемость и монотонность существования ведёт к упрощению социальных форм, к исчерпанию творческих ресурсов и куль-

¹³ Г. Дебор. Общество спектакля, с. 132.

¹⁴ Ж. Липовецки. Эра пустоты, с. 22–23.

¹⁵ Ж. Бодрийяр. Прозрачность Зла, с. 17–18.

¹⁶ Х. Ортега-и-Гассет. Восстание масс // Избранные труды. М., 2000, с. 47.

турной деградации. Однако инцестуальное вырождение парадоксальным образом упрочивает позиции тоталитарной демократии: то, что она становится более примитивной, делает её более устойчивой. «Наш инцест, — пишет Бодрийяр, — имеет место уже не на уровне секса или семьи; в своём инцесте мы уподобляемся скорее простым одноклеточным, размножающимся делением. Именно так мы повернули этот запрет — в сторону дробления Того же самого, совокупления Того же самого с тем, что ему подобно... Тот же самый никогда не содержит ничего, кроме собственной сути. Это и есть наш идеальный современный клон: субъект, из которого вымарано всё Другое, который лишён возможности разделения и обречён на метастазирование самого себя, на чистое повторение»¹⁷.

Субъект, «лишённый возможности разделения», живёт в мире без движения, вне времени — или, лучше сказать, в мире без будущего и прошлого, где есть только настоящее и ничего кроме «повторяющегося настоящего»¹⁸. Этот субъект не знает истории и с недоверием (если не патологическим страхом) относится ко всему, что содержит в себе элемент новизны, — ко всему событийному, исключительному и невозпроизводимому. Убеждение в непреложности существующего порядка вещей поддерживается средствами массовой информации, которые формируют представления современного человека о мире и работают на то, чтобы прочно внедрить в (под) сознание индивидов иллюзорное ощущение сопричастности к происходящему. «... В массовой реальности современной общественной жизни, — пишет Дебор, — [люди] сами событий не проживают. Именно потому, что история сама навещает современное общество как призрак, на всех уровнях потребления жизни обнаруживают псевдоисторию, сконструированную, чтобы сохранить шаткое равновесие современного застывшего времени»¹⁹. Революционное слово или действие — вот что могло бы нарушить это «шаткое равновесие», привести в движение социальный организм. Силу живого, свободного, эксклюзивного слова, особенно если оно подкреплено действием, трудно переоценить. Но слово, кем-то произнесённое, должно быть услышано; действие, кем-то замысленное и начатое, продолжено и — вопреки противодействию — доведено до конца. Увы, этого не происходит сегодня — и прежде всего благодаря усилиям всё тех же СМИ, в любую минуту готовых «любезно» перехватить у авангарда (в том числе политического) революционную инициативу и растратить её на бессмысленное виртуально-игровое развлечение, конверсировав революцию в некое шоу. В мире «псевдоистории» не случается революций, вообще никаких событий — ничего такого, что представляло бы историческую перспективу. В этом мире, напротив, имеет место лишь ретрогрессивное воспроизведение предшествовавших форм существования, накопление и приумножение достигнутых результатов в различных областях: в экономике, в сфере производства товаров и их потребления, в быту, в системе образования и научной деятельности, в политике... Немало людской энергии, труда, ресурсов — физических и интеллектуальных — было затрачено на обустройство «жизненного

¹⁷ Ж. Бодрийяр. Прозрачность Зла, с. 179, 181.

¹⁸ Ф. Джеймисон. Постмодернизм и общество потребления // «Логос», 2000, № 4, с. 76.

¹⁹ Г. Дебор. Общество спектакля, с. 107.

мира» homo civilis, на то чтобы этот социальный механизм исправно функционировал, немало накоплено знаний и бесценного, казалось бы, политического опыта... Но каков результат, что мы, в конечном счёте, имеем «на выходе»? «Все мемуары, все архивы, вся документация не в состоянии разродиться одной-единственной идеей; все эти планы, программы, решения не могут разрешиться каким-либо событием; всё изощрённое оружие не может разрешиться войной!»²⁰.

Современная буржуазная идеология не претендует на «истинность», не стремится к тому, чтобы «отобразить реальность», представить вещи такими, какие они есть «на самом деле». Она носит откровенно релятивистский и анти-реалистический характер, что делает её вдвойне неуязвимой для критики. Объективная реальность просто «заключается в скобки», аннулируется, не принимается в верификативный расчёт. Вследствие этого требования «гарантировать» что-либо («социальную справедливость», «равенство», «защиту» чьих-то прав и свобод и т. п.), адресуемые буржуазной власти, звучат если не абсурдно, то по меньшей мере наивно. Власть, находящая для себя возможным и естественным прагматически манипулировать представлениями об отсутствующих объектах реальности и существующая как власть едва ли не исключительно благодаря этой счастливой возможности, симулирующая активную заинтересованность в решении социальных проблем, споров и неурядиц, но никаких действенных мер для устранения их коренных причин не предпринимающая (поскольку само существование её зависит от неустранимости этих причин), — такая власть, очевидно, не в состоянии функционировать разумно, т. е. в соответствии с реалистическим критерием «справедливости» (или «морали»). Распределение благ не может быть «справедливым» в мире, где некому, нечего и незачем распределять, политика не может быть «моральной», если мораль как система ценностей не имеет экзистенциального приложения, власть не может «защищать интересы» несуществующего человека. Политической истиной в тоталитарно-демократическом обществе является отсутствие истины — её открытое, демонстративное и ироничное отрицание. «В современных обществах, будь то демократических или тоталитарных, ... циническая дистанция, смех, ирония выступают, так сказать, частью принятых правил игры. Господствующая идеология не предполагает серьёзного или буквального отношения к себе. / ... / Мы больше не можем подвергать идеологический текст «симптоматическому чтению», вскрывающему его пробелы, то, что им репрессировано ради своего упорядочения и своей устойчивости, — цинический разум заранее учитывает эту дистанцию... [Традиционная] идеология — это... система, только претендующая на правду, то есть система, которая не просто стремится ко лжи как таковой, но ко лжи, которая переживалась бы как правда, ко лжи, желающей, чтобы её принимали всерьёз. У тоталитарной идеологии больше нет этих претензий. Даже её создателями больше не предполагается, что она будет восприниматься всерьёз; она приобретает манипулятивный, совершенно внешний и инструмен-

²⁰ Ж. Бодрийяр. Прозрачность Зла, с. 49.

тальный статус, она руководствуется не ценностью истины, а обыкновенным внеидеологическим насилием и посулом наживы»²¹.

Тенденции общественного развития, ведущие к тоталитаризации демократии, пагубно отражаются на состоянии всецело экстрадетерминированного сознания обитателя постмодернистского мегаполиса. Целенаправленная десублимация критической мысли, модернистской интеллектуальной, художественной и научно-исследовательской деятельности (ныне ориентированной почти исключительно на производство и удовлетворение запросов потребителя), — деятельности, ещё вчера ограниченной множеством условностей и социальных запретов, сопровождается неизбежно прогрессирующей в условиях капиталистического производства и распределения «благ» коллективной апатией, усугубляющимся безразличием и невосприимчивостью к живому интеллектуальному творчеству, потерей интереса к трансцендирующей критике, науке, некоммерческому искусству. Таким образом, экономическое/физическое/материальное отчуждение человека в западном буржуазном обществе постепенно транспонировалось в отчуждение метафизическое, на смену «телесной» эксплуатации пришло психосоциальное обнищание, а открытое насилие переросло в господство на основе манипуляций, предполагающих деструктивное вмешательство в сознание индивидов. Проблема интеллектуальной и нравственной деградации трудоспособной части населения развитых индустриальных цивилизаций в результате вышеобозначенной трансформации сегодня стоит более остро, чем проблема физического выживания (борьбы с материальной нуждой). Однако беда в том, что метафизические риски модернизации, в отличие от многообразных аспектов обеспечения биологического существования, труднее поддаются схватыванию и исчислению. «Подверженность опасности, — пишет У. Бек, — отнюдь не всегда выливается в осознание риска, она может спровоцировать нечто прямо противоположное — отрицание опасности... Голод нельзя утолить утверждением, что ты сыт; опасность, напротив, можно интерпретировать так, будто её не существует (пока она не проявит себя)... То, что для голода пища, для осознания риска — его устранение или интерпретация, ведущая к вытеснению из сознания»²². Специфичностью нематериального рода опасности, которой оказалось подвержено современное «цивилизованное» общество, обуславливается лёгкость её «вытеснения» из сознания буржуазного обывателя. Метафизические проблемы индивидуального или коллективного существования (в отличие от материальных аспектов бытия) сегодня мало кого всерьёз беспокоят. Но именно тогда, когда опасность не осознаётся, она представляет наибольшую угрозу для тех, кого она напрямую затрагивает и кто отпускает её из поля зрения.

Для недемократического авторитарного общества нормальным является состояние несвободы выбора — состояние, при котором наличие более или менее жёсткой и обязывающей регламентации не устраняет, а именно обес-

²¹ С. Жижек. Возвышенный объект идеологии. М., 1999, с. 35, 37. Ср.: Г. Маркузе. Одномерный человек, с. 135.

²² У. Бек. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000, с. 91–92.

печивает возможность выбора. Ведь выбор может считаться осмысленным и состоятельным только в том случае, если он что-то решает, если обществу безразлично, какими мотивами и соображениями руководствуется субъект выбора, если существует альтернатива, или некоторый набор альтернатив, касающийся принятия или непринятия навязываемых социумом правил игры. В данной ситуации — ситуации несвободы — многое, если не всё, зависит от самого человека, который знает, что его действия не останутся незамеченными и ему придётся нести честный ответ за возможные последствия этих действий. Другими словами, мыслящий и действующий субъект может быть уверен в том, что выбор состоится.

Для неавторитарного демократического общества, общества тоталитарной буржуазной демократии, нормальным является состояние свободы невыбора — состояние, при котором отсутствие жёсткой социальной регламентации, этико-политического и эстетического принуждения, выражающегося в попытках ограничить свободу выбора, не только не гарантирует, но наоборот — исключает возможность действительного выбора. Демократическая система предоставляет нам право «самостоятельно» решать, какой формы невыбора свободно и рационально придерживаться. Обществу, власти, социальным институциям совершенно безразлично, какой образ жизни ведут «индивидуализированные» субъекты, чем они занимаются и какие цели преследуют. От принятого субъектом решения абсолютно ничего не зависит: его действия не влекут за собой никаких последствий (либо последствия заранее predetermined). Конечно, в демократическом обществе человек чувствует себя свободным, но это не подлинная свобода — не свобода выбора. В современном демократическом обществе человек никогда не бывает в подлинном смысле свободен, потому что он никогда не выбирает.

«Безвластие (несвобода субъекта в выборе — *И. Д.*) всегда есть отличительный признак тирании», — пишет Х. Арендт, — однако «тирания вовсе не обязательно характеризуется непроизводительностью и слабостью одиночки (экзистенциальной несостоятельностью индивида как субъекта выбора — *И. Д.*)... Природная и природой данная сила одиночки, которую он так или иначе ни с кем разделить не может, ... в известном смысле даже меньше угрожаема в своей самостоятельности насилием, чем властью. В самом деле, с насилием одиночка может справиться разными способами, может повести себя по отношению к нему героически, бороться и погибнуть или стоически переносить его в самодовольстве замкнутого отдаления от мира; он может, иными словами, тем или другим способом заявить о своей силе и цельности как одиночка и сохранить их. Власть, однако, может поистине уничтожить эту силу; против власти многих не выстоит никакая сила одиночки. Чем в большей мере та или иная государственная форма есть по сути властное образование, особенно в случае безграничной демократии, тем тяжелее будет одиночке заставить с собой считаться»²³.

Свобода невыбора в условиях «безграничной демократии», контролируемая вседозволенность и ни к чему не обязывающий плюрализм действуют

²³ Х. Арендт. *Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб., 2000, с. 269.

развращающе на буржуазного homo civilis. Такая «свобода», обеспечивающая современному человеку возможность целерационально-безответственного существования и удовлетворяющая его «инстинкту к жизни» (однако не стимулирующая к реализации его потенциальных способностей и талантов), имеет своим результатом противоположность действительной свободе — социальный и этико-политический конформизм. Бездеятельность социального агента находится в прямой зависимости от условий существования (политического status quo), наделяющих субъекта свободой, но лишаящих его экзистенциального права выбирать. «Демократический» плюрализм («унифицирующий и преодолевающий социальные противоречия» (Г. Маркузе)) ведёт к тому, что человек постепенно утрачивает способность и потребность мыслить, чувствовать, действовать самостоятельно.

«Освободившись от прежних открытых форм власти, мы не замечаем, что стали жертвами власти нового рода. Мы превратились в роботов, но живём под влиянием иллюзии, будто мы самостоятельные индивиды. Эта иллюзия помогает индивиду сохранять неосознанность его неуверенности, но на большее она не способна... Что же означает свобода для современного человека? Он стал свободен от внешних оков, мешающих поступать в соответствии с собственными мыслями и желаниями. Он мог бы свободно действовать по своей воле, если бы знал, чего он хочет, что думает и чувствует. Но он этого не знает; он приспособляется к анонимной власти и усваивает такое «я», которое не составляет его сущности»²⁴.

«Объективированный, оторванный от своих корней человек утратил самое существенное. Для него ни в чём не сквозит присутствие подлинного бытия. В удовольствии и неудовольствии, в напряжении и утомлении он выражает себя лишь как определённая функция»; «он мыслит своё бытие только как “мы”»²⁵.

Тоталитарная сущность современной буржуазной демократии выражается, помимо всего остального, в деперсонализации государственной власти. Глава демократического государства (премьер-министр, канцлер, президент) — фигура «абстрактная» и, как правило, нехаризматичная. Это — функция, полномочие, отчуждаемая прерогатива. Тоталитарная система современной демократии, система тотального подчинения социальных агентов «букве и духу» закона (а не персональной воле конкретного привилегированного лица) — такая система антиавторитарна по своему существу. Формальная свобода социальных агентов внутри её «тела» оборачивается фактической несвободой всех и каждого. Воля отдельного «индивидуализированного» субъекта, включённого в эту систему, ни при каких условиях не может быть противопоставлена тотальной и всеподавляющей власти закона, власти, ничем не ограниченной и пугающе бесконтрольной. Если этот «субъект» — правитель, его воля поглощается и нейтрализуется «духом» закона, умаляется и конвертируется таким образом, что он (субъект) становится анонимным выразителем и одновременно проводником легитимированной воли Коллективного Разума — воли-

²⁴ Э. Фромм. Бегство от свободы. М., 1990, с. 211, 213. Ср.: Г. Маркузе. Одномерный человек, с. 13–14.

²⁵ К. Ясперс. Смысл и назначение истории. М., 1994, с. 311; 309.

власти «обезличенного никто»²⁶, «абсолютно функциональной и абсолютно анонимной, ... гораздо более brutальной в своём господстве над человеческим стадом, чем какой-нибудь вождь»²⁷. Совершенно напротив, в авторитарной системе закон, формально узурпируемый правителем-эксплуататором («вождём»), парадоксальным образом сохраняет свою фактическую революционную силу: он противостоит власти. Попираемый, игнорируемый, извращаемый, закон торжествует как принцип — вопреки насаждаемому беззаконию и произволу. В тоталитарном же демократическом обществе, где господствует формальное право, люди фактически прозябают в бесправии: ведь, в конечном счёте, «законом» в таком обществе является само беззаконие, а истиной — отрицание истины.

Наш социальный агент, потребляюще-производящий субъект постиндустриальной цивилизации, не является автономным субъектом, так как не имеет возможности распоряжаться собой даже в узком пространстве так называемого «приватного существования» — частной жизни (границы же, отделяющие «приватное» от «публичного», по мере развития тоталитарно-демократического социума становятся всё более размытыми и неопределёнными). Современный человек никогда не бывает предоставлен себе и не испытывает ни малейшей потребности быть самим собою. Везде, где оказывается современный человек, — и у себя дома так же, как на улице или на рабочем месте в служебное время, — он обнаруживает присутствие своих fellow-citizens, «единоплеменников», таких же как он анонимных субъектов, производящих и потребляющих те же продукты («материальные и духовные блага»), что производит и потребляет он сам. Лишённый независимости, деятельного уединения, экзистенциального покоя, индивид в развитом демократическом обществе утратил привилегию быть индивидуальностью. «... Экспансия всех форм коллективного труда, общественной жизни и развлечений вторглась во внутреннее пространство личности и практически исключила возможность такой изоляции, в которой предоставленный самому себе индивид может думать, спрашивать и находить ответы на свои вопросы. Этот вид уединения — единственное условие, которое на основе удовлетворённых жизненных потребностей способно придать смысл свободе и независимости мышления, — уже давным-давно стал самым дорогим товаром, доступным только очень богатым (которые им не пользуются)»²⁸. Ложные материалистические идеи (включая религиозный псевдоидеализм), демократические «идеалы», ценности и представления о «нормальной» жизни, ложные потребности и способы их удовлетворения навязываются индивиду обществом, что ведёт к унификации форм существования и тоталитаризации общественных отношений. «Всё большая часть населения в сверхразвитых странах превращается в одну огромную толпу пленников, пленённых... вольностями гражданского общества, чьи средства развлечения и облагораживания принуждают Другого разделять их звуки, внешний вид и запахи.... Простое отсутствие всех

²⁶ Х.Арендт. *Vita activa, или О деятельной жизни*, с. 54.

²⁷ Т.Адорно. *Проблемы философии морали*. М., 2000, с. 199–200.

²⁸ Г.Маркузе. *Одномерный человек*, с. 320. Ср.: Х.Арендт. *Vita activa, или О деятельной жизни*, с. 77.

рекламных и всех независимых средств информации и развлечения погрузило бы человека в болезненный вакуум, лишаящий его возможности удивляться и думать, узнавать себя (или скорее отрицательное в себе) и своё общество. Лишённый своих ложных отцов, вождей, друзей и представителей, он должен был бы учить заново эту азбуку»²⁹.

В 60-е годы Герберт Маркузе и его революционно настроенные единомышленники ещё верили в обратимость процесса десублимации, в возможность такой «переоценки» экзистенциальных приоритетов и индивидуальных потребностей существования, которая привела бы к действительной, а не мнимой либерализации человека в западном обществе. Прошедшие десятилетия подтвердили беспочвенность этой надежды. Локальные кризисы и «революционные» катаклизмы только усугубили положение вещей: испытания на прочность закалили систему, она сделалась более гибкой, технологически изощрённой, несокрушаемой. Модернистская демократия развилась и трансформировалась в постмодернистский тоталитаризм. И сегодня уже ни «народные массы» (поскольку само постмодернистское общество является массовым), ни «индивидуализированные субъекты» отдельных маргинальных меньшинств (поскольку голос меньшинства в наше время не решает ничего или почти ничего) не представляют силу, способную поколебать устой этого общества. Альтернативы тоталитарной демократии западный мир сегодня не знает; всё указывает на то, что такая альтернатива не появится и в обозримой перспективе. «Прошла эпоха революций, скандалов, надежд на будущее»; ностальгия по смыслу, ощущение неполноты бытия, *Gewissen* — экзистенциалы вчерашнего дня; каждый получил возможность жить по своему «разумению», искать и находить удовольствие в чём угодно, наслаждаться собой, — и наступил «час расслабления»...

²⁹ Г. Маркузе. Одномерный человек, с. 321, 322.